

ХРОНИКА

DOI: 10.31860/0131-6095-2022-3-256-259

ВТОРЫЕ МЕЖДУНАРОДНЫЕ НАБОКОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

Международные Набоковские чтения 2021 года проводились с 28 июня по 5 июля и стали второй конференцией Института русской литературы, которая прошла в онлайн и офлайн форматах, а также совместила научную и фестивальную программы. Записи всех заседаний и мероприятий конференции доступны на YouTube-канале Пушкинского Дома и на сайте конференции: <http://nabokovreadings.ru/2021main>.

Чтения открылись приветственными словами директора Пушкинского Дома В. В. Головина и председателя оргкомитета конференции Т. О. Пономаревой.

С первым докладом «Цинциннат уходит — Набоков остается: художественное исследование феномена массовой культуры и возможности интеграции с ней в романе „Приглашение на казнь“» выступила О. А. Дмитриенко (Санкт-Петербург). Роман рассматривался как созданное автором поле эксперимента, цель которого — исследовать проблему соотношения и возможностей совмещения принципов элитарного и массового искусства в едином тексте. Набоков тестирует в романе технологии массовой культуры: производство кукол, сценарный план как основу кинематографа, структуру комикса. Эти технологии встроены в текст и/или организуют его по принципу рекурсии. Набоков стратифицирует аллюзии. Интерфигуральные аллюзии могут быть распознаны массовым читателем, что позволяет ему идентифицировать себя и автора в одном культурном контексте. Таким образом можно привлечь массового читателя, не рассчитывая на качество коммуникации, но руководствуясь количественными показателями популярности.

В докладе «Нетки Цецилии Ц.: О генезисе романа Набокова „Приглашение на казнь“» М. Вайскопфа (Израиль) были прослежены не отмечавшиеся ранее источники знаменитого романа. В частности, в его основной коллизии отразились эстетические суждения Ю. Айхенвальда. В число важнейших сюжетных претекстов «Приглашения на казнь» входят «Мемуары» Генриха Гейне, а именно описанная в них история любви между самим мемуаристом и дочерью палача. С другой стороны, в религиозно-философском плане роман опирается на Веданту, которая и дает ключ к его сокровенной символике. Речь идет о загадочных, искажающих реальность, «нетках» из рассказа

Цецилии Ц. — матери героя: Набоков шифрует и фонетически обыгрывает в этих «нетках» негативистскую мантру индуизма — «neti neti». В соответствии с Упанишадами в книге очерчена как потусторонняя предыстория Цинцинната, так и обретенная им истина, открывающая путь к бессмертию.

В сообщении «Об одном эпизоде „Дара“» Г. Утгоф (Эстония) дал обзор существующей научной литературы, посвященной стихосложению Ф. К. Годунова-Чердынцева, и рассмотрел эпизод, в котором Федор сочиняет стихотворение «Люби лишь то, что редко и мнимо...». Основное внимание было уделено оппозиции «камерность» vs «масштабность» в стихотворениях, написанных В. Набоковым-Сириным под полумаской Федора, и анализу действительских форм в текстах вымышленного поэта.

С докладом «География „Лолиты“ (памяти Дитера Циммера)» выступил А. А. Долинин (США).

Доклад Д. Драгунюу (Канада) «Что мы узнаем о любви из прозы Набокова?» был инициирован семинаром «Эффект Лолиты: Роман Набокова в современном искусстве и общественной дискуссии», организованным в Пушкинском Доме 22 мая 2021 года. В рамках семинара не раз ссылались на давнее предположение о том, что моральная оценка поступков Гумберта зависит от ответа на вопрос, является ли «Лолита» историей любви. В докладе было выдвинуто предположение, что возможность оспаривания статуса «Лолиты» как любовного романа является интерпретационной ловушкой, не похожей на другие ловушки, расставленные Гумбертом для «дам и господ». Докладчица также предположила, что Набоков не рассматривал любовь как безусловное моральное благо или добродетель, но считал ее либо внутренней тайной, либо выражением морального облика влюбленного. В качестве доказательства было приведено несколько сценариев из художественных произведений писателя, до сих пор вызывающих недоумение. Так, становится ли Круг из-за любви к сыну и из-за горя по погибшей жене слепым по отношению к режиму Падука? И если да, то является ли любовь соучастницей ужасного конца Давида? И раз любовь ослепляет (как это кажется Кругу), то почему Джон и Сибил Шейд не способны увидеть в своей дочери красоту несмотря

на свою любовь к ней, а видят Хейзел в том же ярком свете, что и Пит Дин, в ночь самоубийства девушки, убегающей с их свидания всплывшую? Оправдывает ли любовь Круга к сыну и жене его жестокость и безразличие к другим? Совершенствует ли любовь Вана и Аду или делает их безразличными к другим? И наконец, что мы думаем о том, что Пнин любит женщину, которую считает отвратительной?

Л. Панова (США) выступила с докладом «Money matters: двойная бухгалтерия в „Даре“», который представляет часть проекта, посвященного русскому эмигрантскому дворянскому *Künstlerroman*'у. В «Даре» этот жанр революционизирован: история взросления Годунова-Чердынцева решена концептуально — как иллюстрация формулы литературного успеха, которая в социологии литературы выглядит так: в элитарном секторе поля литературы товарно-денежные отношения не действуют; важен символический капитал, который можно заработать, если понять правила игры, связывающие участников, и сделать правильный ход. Хотя в «Даре» сюжет проецируется в денежный план, Годунов-Чердынцев изображен бесребренником и вечным должником. Зато в поле литературы его ждет выигрыш. Этому способствует то чувство игры, которое он развил в себе благодаря шахматам. Скрытая бухгалтерия «Дара» проявляется в умении самого Набокова оперировать товарно-денежной темой так, чтобы удачно «продать» свое детище читателю.

Второй день конференции открылся выступлением В. Г. Тимофеева (Санкт-Петербург) «„В лабиринте“ Алена Роб-Грийе, или как Владимир Набоков „подглядел чье-то будущее воспоминание“». Таким подсмотренным «будущим воспоминанием» чужого ребенка является увиденная его глазами бытовая картина, описанием которой заканчивается рассказ «Путеводитель по Берлину». Эта картина, или почти эта, оказывается главным инструментом порождения вариантов сюжета в романе Алена Роб-Грийе «В лабиринте». В докладе сравнивались умение рассматривать картины, возникающие внутри сознания, т. е., по выражению Набокова, «нарисованные белым карандашом», а также техника рассматривания картин внутри сознания персонажей, т. е. внутри воображаемых сознаний. Этим умением были сполна наделены и Набоков, и Роб-Грийе, как, впрочем, и многие другие авторы, одаренные гипертрофированной рефлексией. Их тексты представляют собой сложную систему, порождаемую сотворчеством нескольких сознаний (голова в голове головы), когда изображенное белым карандашом в одной голове вербально оформляется другой, а комментируется третьей.

В. Б. Полищук (Санкт-Петербург) выступила с сообщением «Люди и манекены: французская литература и русскоязычная проза Набокова», в котором рассказала о влиянии французской литературы XIX века на русскоязычную прозу Набокова. Эта тема рассматривается

не впервые, но изучена недостаточно. В докладе анализировались далеко не случайные переклички между произведениями Г. Флобера, Г. де Мопассана и Э. Золя с «берлинскими» романами Набокова «Король, дама, валет» и «Камера обскура». Сопоставительный анализ показывает, что Набоков не только отталкивался от произведений классиков, пародируя их, как утверждает А. А. Долинин, но и опирался на них. Автор использовал фабульные модели и устоявшиеся романские типажи, а также мотивную структуру многих текстов, переименовая и переосмысляя их ключевые эпизоды и образы.

С докладом «Ненадежный рассказчик в „Лолите“ и в романе Кейт Элизабет Расселл „Моя темная Ванесса“» выступила П. В. Бояркина (Санкт-Петербург). Роман Кейт Элизабет Расселл вышел в 2020 году и был назван «Лолитой» эпохи #metoo. В нем от лица героини рассказана история ее связи со школьным учителем литературы; отправной точкой их отношений стало чтение набоковской «Лолиты». В докладе были сопоставлены приемы введения ненадежных рассказчиков, использованные Набоковым и Расселл. В обоих случаях повествователи — с разными, однако, интенциями и прибегая к разным механизмам — пытаются оправдать происшедшее.

Ю. Луазон-Шарль, А. Эдель-Руа и М. Буше (Франция) представили доклад «Отзвуки „Лолиты“ в современной Франции: истории неправильного прочтения и перечитывания». В сообщении речь шла о двух недавно вышедших книгах. Первая — «Согласие. А Memoir» (2020), в которой Ванесса Сприггора рассказывает о своей связи с французским писателем Габриэлем Мацнеффом, автором множества книг о его отношениях с несовершеннолетними. Ей тогда было четырнадцать лет, ему — пятьдесят (а сейчас больше восьмидесяти). Под влиянием неадекватного прочтения «Лолиты» как прекрасной истории любви парижские СМИ и издательская среда игнорировали его педофилию. Во второй книге, романе Камиля Кушнера «Большая семья» (2021) рассказано о том, как видный французский академик и политик изнасиловал своего пасынка, близнеца автора. Проявившееся в обоих случаях снисходительное отношение французского общества и суда к сексуальным преступникам, совершающим насилие над несовершеннолетними, докладчики связывают с воздействием «Лолиты».

В выступлении Э. Вайскотта (США) «Романы Набокова, которые нельзя прочесть» рассматривались фиктивные романы, которые обретают в творчестве писателя статус авторской подписи. Первый из них — «Верга», новелла Новодворцева в «Рождественской истории». Последний — «Моя Лаура», одна из двух вымышленных книг, существующих в романе «Лаура и ее оригинал». Набоковские романы-фикции были проанализированы Э. Вайскоттом в литературном и культурном контексте, с особым вниманием к переходу писателя

с русского языка на английский между «Даром» и «Подлинной жизнью Себастьяна Найта». «Дар» вызвал множество комментариев по поводу его эпатажной литературности, а второй заслуживает большего внимания, чем получил. Тема романов, которые нельзя прочесть, развивается в нем наиболее полно, а поскольку эта тема объединяет все романы Набокова, «Подлинная жизнь Себастьяна Найта» может служить ключом к ним. Они функционируют у Набокова как двойники текстов, в которых живут, как воплощения закрытого литературного языка и как литературные воспоминания об изгнании.

Доклад М. Емельяновой (Италия; Израиль) «„Дурное дело“ Владимира Набокова: история двуязычной поэмы» был посвящен стихотворению Владимира Набокова «Какое сделал я дурное дело...» (1959) и его английскому автопереводу «What is the evil deed...», опубликованному в 1970 году в сборнике «Poems and Problems». Проследив эволюцию этого текста и его перевод с русского на английский язык, исследовательница представила двуязычное стихотворение как новое произведение, состоящее из двух частей, которые вступают во взаимодействие друг с другом. В своем фундаментальном эссе «Задача переводчика» (1923) Вальтер Бенъямин пишет о переводе как о «жизни после жизни» иностранного текста. На примере этого стихотворения, которое можно назвать «Elegi Monumentum» Владимира Набокова, видно, что автоперевод — это динамичный процесс, он является неотъемлемой частью «жизни» стихотворения; интерлингвистический перевод сочетается с оригинальным актом творчества.

В. Александр (США) представила сообщение «Эстетическая практика Набокова и его теория мимикрии насекомых». Набоков критиковал неodarвинистскую концепцию, согласно которой мимикрия насекомых возникает постепенно в результате неверных решений потенциальных хищников, которые принимают вкусную бабочку за то, чем она не является. Позиция Набокова шокировала некоторых исследователей, высоко ценивших интеллект и острую наблюдательность великого писателя. Как он мог так ошибаться? Оказывается, он не ошибался. В докладе была продемонстрирована связь между набоковской теорией эволюционных процессов и характерным для него способом структурирования произведений. Миметическое совпадение играет важную роль как в природе, так и в набоковском творчестве.

Второй день конференции завершился круглым столом «Набоков и неопределенность» с участием П. Мейер, А. А. Долинина, В. Б. Полищук и М. Б. Мейлаха.

В первом выступлении третьего дня конференции — докладе В. В. Шадурского (Великий Новгород) «В. В. Набоков и „Новое русское слово“ в 1920–1930-е гг.» — была представлена обзорная характеристика более сорока номеров американской газеты, на страницах которой появлялись произведения писателя,

опубликованные под именами Набоков и Сирина. Публикации с 1925 по 1935 год были проанализированы по базе данных <https://dlib.eastview.com/>. Анализ поисковых результатов показал, что русскоязычному читателю, жившему в США, до 1935 года был известен писатель под именем Сирина. В докладе также была представлена своеобразная рецензия творчества Сирина в «Новом русском слове». Докладчик обратил внимание на перепечатки произведений, выходявших ранее в берлинских и парижских изданиях, а также на критические отзывы, в частности статьи П. Пильского, Г. Адамовича, А. Гиза, на информацию об участии Сирина в различных мероприятиях, на рекламу его новых романов («Защита Лужина», «Соглядатай»), на сообщения о лекциях эмигрантов, в которых речь пойдет о поэзии и прозе Сирина. Были также проанализированы отзывы о Сирине таких авторов «Нового русского слова», как И. Л. Тартак, В. Унковский, П. Балакшин.

В докладе «Отзвуки Андрея Белого в набоковских рассказах 1923–1924 года» Е. Д. Толстая (Израиль) отметила в раннем рассказе Набокова «Удар крыла» и отчасти в рассказе «Месть» типичные для Белого словоупотребления: «провалы», «вспученный» и др. слова, ощущаемые как «беловизмы». Кроме того, «Удар крыла» оказался чуть ли не единственным рассказом, в котором молодой автор использовал прием «увеличенной энергии глагольного действия» (как называет его сам Белый), введенный Гоголем и привнесенный в новую литературу Белым. Исследовательница обратила внимание на тематические элементы, связанные с образом Медного всадника в другом набоковском рассказе, «Пасхальный дождь», и пришла к выводу, что в изображении его у Набокова возникают мотивы Белого, хотя в целом рассказ полемичен по отношению к роману «Петербург», как полемична и оптимистическая трактовка Петербурга. К Белому, по мнению Толстой, восходит и цветопис в «Пасхальном дожде», где желтый цвет воспринимается как негативный. Еще один символический мотив здесь связан со «Второй Симфонией» Белого — а именно, мотив «птицы печали», который тематизируется уже в раннем варианте рассказа о несчастной гувернантке, а затем акцентируется в его поздней версии — «Mademoiselle O» и дальнейших воплощениях.

Завершающая секция конференции, посвященная 80-летию юбилею Е. В. Белодубровского, открылась докладом Т. О. Пономаревой (Санкт-Петербург) «Из семейной переписки Набоковых», в котором освещались некоторые страницы жизни Кирилла Владимировича Набокова (1911–1964), младшего брата писателя, поэта и радиожурналиста. Особенный интерес представляет его неопубликованная переписка с сестрой Еленой Сикорской 1959–1964 годов. В частности, в 1964 году, незадолго до смерти, Кирилл Набоков готовил на радио «Свобода» большую передачу о Владимире Набокове и об-

суждал это в переписке с сестрой. Письма проливают свет на ранее неизвестные биографические факты из жизни семьи Набоковых.

С докладом «Набоковские земли в Санкт-Петербургской губернии» выступил Д. И. Сергеев (Санкт-Петербург).

Р. Волкова (США) в докладе «„Защита Лужина“ как предчувствие дела Лузина» продемонстрировала, что, несмотря на то, что роман «Защита Лужина» считается классической шахматной новеллой, он содержит и некоторые другие темы, как, например, математическую линию, а также тему теологии имени. Все три обозначенные сюжетные линии сходятся в одной точке: Московской математической школе, одним из виднейших представителей которой был Н. Н. Лузин,

ученик Н. В. Бугаева, отца Андрея Белого. Во время работы Набокова над романом Н. Н. Лузин находился в служебной командировке во Франции. Его решение вернуться в 1930 году в страну большевиков было сродни самоубийству. При жизни Набокова в переводах романа имя Лужина исключалось из заглавия, чтобы не причинить вреда его прототипу с созвучной фамилией.

С докладом «В. Д. Набоков: лидер во время кризиса» выступила М. Минская (США). Е. Б. Белодубровский (Санкт-Петербург) представил доклад «Набоков. 1970-е годы. Воспоминание».

© П. В. Бояркина

DOI: 10.31860/0131-6095-2022-3-259-268

ШЕСТЫЕ ЛИХАЧЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ

27–30 сентября 2021 года в Институте русской литературы (Пушкинский Дом) РАН состоялись Шестые Лихачевские чтения (Международная научная конференция «Петербургская текстологическая школа: традиции и развитие»). В этот раз чтения были посвящены столетнему юбилею двух выдающихся представителей лихачевской школы Льва Александровича Дмитриева (1921–1993) и Якова Соломоновича Лурье (1921–1996). Открывая конференцию, председатель ее оргкомитета, руководитель Отдела древнерусской литературы ИРЛИ РАН С. А. Семячко отметила, что организаторы чтений столкнулись с большими проблемами при выборе темы научного форума. Л. А. Дмитриева и Я. С. Лурье интересовали совершенно разные вопросы изучения средневековой русской книжности. Я. С. Лурье занимался, по преимуществу, историей русского летописания и публицистикой, Л. А. Дмитриев — агиографией, «Словом о полку Игореве» и памятниками Куликовского цикла. Этих двух замечательных ученых объединяла не тематика их научных штудий, а отношение к исследуемому тексту, методологические принципы их работы, принадлежность к одной научной школе. Той школе, которая ставит во главу угла изучение истории текста памятника; школе, становление и развитие которой связано с именем академика Д. С. Лихачева.

Первые два выступления конференции были посвящены вкладу Д. С. Лихачева в изучение средневековой русской литературы и русской культуры в целом. Н. В. Поньрко (Санкт-Петербург) в докладе «Три главные книги Д. С. Лихачева» говорила о тех книгах, которые, по ее мнению, определяли всю деятель-

ность академика Лихачева, — это «Текстология», «Поэтика древнерусской литературы», «Воспоминания». Включение «Воспоминаний» в этот ряд далеко не случайно: нравственные принципы, исповедуемые Лихачевым и декларируемые им через «Воспоминания», распространялись и на его профессиональную деятельность. Рассказ Поньрко о главных научных трудах Лихачева стал, по сути, рассказом о строительстве научной школы.

Доклад М. В. Рождественской (Санкт-Петербург) «Д. С. Лихачев об истории, текстологии и поэтике древнерусской литературы» основывался на монографиях ученого «Текстология. На материале русской литературы X–XVII веков» (1962, 1983, 2011), «Поэтика древнерусской литературы» (1967 и след.), «Развитие русской литературы XI–XVII вв. Эпохи и стили» (1973 и след.) и «Человек в литературе Древней Руси» (1952 и след.). Говоря о подчиненности этих работ единому принципу историзма, исследовательница остановилась на специфике лихачевского историзма, а также подробно рассмотрела теоретический аспект научного творчества ученого.

Итальянский исследователь Дж. Дзиффер (Италия) в докладе «Текст и традиция „Слова о законе и благодати“» остановился на контаминации, затронувшей едва ли не все списки памятника, и задался вопросом, возможно ли вообще при такой истории текста восстановить взаимоотношения между группами списков. Исследователь полагает, что общую схему, отражающую взаимоотношения списков памятника, нарисовать нельзя, но можно восстановить его критический текст.

Доклад В. В. Калугина (Москва) «Текстология и язык славяно-русских Толковых